

ГОСУДАРСТВО И ЭКОНОМИКА В ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВАХ

Социально-экономические итоги трансформаций в постсоциалистических странах

Д. ЛЭЙН*

*Дэвид Лэйн – академик Британской академии общественных наук, почетный лектор и научный сотрудник, колледж Эммануэль Кембриджского университета. Адрес: CB2 3AP, United Kingdom. E-mail: DSL10@cam.ac.uk

Цитирование: Lane D. (2016) Divergent Social and Economic Consequences of Transformation in Post-communist States. *Mir Rossii*, vol. 25, no 4, pp. 7–29 (in Russian)

В статье анализируется отношение населения постсоциалистических стран к результатам рыночных трансформаций, а также последствия этих изменений с точки зрения качества их жизни и субъективного благополучия. При этом отдельно рассматриваются два возможных маршрута этих трансформаций: интеграция стран ЦВЕ в мировую экономику путем вхождения в состав Европейского союза (ЕС) и образование Содружества Независимых Государств (СНГ), в рамках которого государствам удалось сохранить отдельные элементы государственного социализма и принять формы гибридных режимов. Неодинаковый характер структурных изменений, соответствующих указанным маршрутам, объясняется различиями в механизмах экономической координации, организации политической власти и интеграции стран в мировой экономический порядок. Объективные последствия для постсоциалистических стран оцениваются с помощью экономических данных и показателей человеческого развития.

Показано, что государства, выбравшие первый путь, в целом добились более высоких успехов, чем страны, вошедшие в состав СНГ. Тем не менее население обеих групп стран со скепсисом восприняло результаты капиталистической трансформации и переход к либеральной демократии, несмотря на исходно высокую поддержку накануне и в самом начале реформ. При этом большая неудовлетворенность характерна в отношении собственно экономических преобразований, в то время как демократическая перестройка в целом воспринимается более позитивно. Несмотря на это, сколько-нибудь существенного сближения постсоциалистических стран с развитыми западными государствами по такому критерию, как уровень человеческого развития, не произошло. В дополнение к этому для всех постсоциалистических стран характерен высокий уровень

социально-экономического неравенства. Страны, недавно вошедшие в состав ЕС, отнеслись к новым режимам более позитивно, чем страны СНГ.

В статье обсуждаются возможные сценарии дальнейшего развития событий. Показано, что перспективы стран ЦВЕ, вошедших в состав ЕС, в значительной степени зависят от судьбы самого Европейского союза, поскольку выстроенная в нем система ограничивает самостоятельность государств в плане проведения собственной социально-экономической политики. В то же время утверждается, что евразийские страны рискуют столкнуться с еще большими социальными и экономическими трудностями в том случае, если продолжат следование действующему преимущественно неолиберальному курсу, альтернативой которому могли бы стать народный капитализм или социально-демократическая форма капитализма, ориентированные на модернизацию и развитие.

Ключевые слова: трансформации, СНГ, Европейский союз, человеческое развитие, неравенство, национальный капитализм, типы капитализма, общественное мнение, Евразия

Принято считать, что естественным развитием событий после демонтажа социалистической системы является целенаправленное движение обществ ко вполне определенному новому состоянию, предполагающему переход к рыночному типу капитализма и выборной форме демократии. Говоря точнее, переходный процесс предполагал достижение четырех основных целей: (1) обретение национального суверенитета; (2) превращение экономики в рыночную, основанную на частной собственности; (3) создание выборной политической системы, построенной на конкуренции; (4) создание плюралистического гражданского общества. Существовала также и пятая цель, касавшаяся встраивания переходных обществ в международную систему, их экономическую интеграцию, а также нормализацию политических отношений с основными международными игроками. Однако, несмотря на единство общих целей, способов их достижения было множество, что без труда подтверждается (со)существованием различных типов капитализма: капитализма, основанного на свободной конкуренции (*competitive capitalism*) (США), социально-демократического капитализма (Швеция), регулируемого капитализма (*coordinated capitalism*) (Германия и Япония) или государственного капитализма (Китай). Учитывая это разнообразие, само понятие «переходного процесса» отныне представляется не совсем адекватным, поскольку существование различных типов капитализма доказывает возможность разных траекторий развития после демонтажа социалистической системы. В связи с этим следует отметить, что переходные процессы было бы правильнее характеризовать и оценивать, используя нейтральное понятие «трансформационные процессы», т.е. процессы, не предполагающие какую-либо единую конечную цель или результат.

То, что историю развития постсоциалистических стран на протяжении последних двух с половиной десятилетий нельзя свести к какой-либо одной модели, также подтверждается существованием как минимум двух отличных друг от друга траекторий: одной, предполагавшей вхождение стран в состав Европейского союза (ЕС), и другой, связанной с формированием Содружества Независимых Государств (СНГ), вобравшего в себя часть республик бывшего Советского Союза

(за исключением стран Прибалтики). Данная статья посвящена анализу различий между странами, выбравшими разные пути развития после краха социализма, а также их эпизодическому сравнению с трансформационными процессами в Китае. В частности, в статье анализируются общие структурные изменения и восприятие социально-экономических итогов трансформации в оценках населения; дополнительно оценивается значение этих трансформационных процессов для мировой политики; приводятся размышления относительно возможного развития событий в будущем.

Новая геополитическая архитектура

Многие связывали окончание холодной войны с наступлением мирной эпохи в мировой политике. Основные надежды возлагались на страны Центральной и Восточной Европы, которые теоретически должны были занять нейтральное положение в системе международных отношений. При этом представляется, что наиболее оптимистичный вариант развития событий (как для западных, так и для постсоциалистических стран) предполагал бы отмену действия Варшавского Договора и расформирование НАТО взамен усиления СБСЕ (Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе). Также в экономическом плане страны, входившие в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), могли бы сохранить за собой форму самостоятельного торгового союза, ведущего свободную торговлю со странами, не являющимися его частью. Причем это можно было бы достичь не только благодаря созданию общего таможенного союза на базе СЭВ, но и через развитие самостоятельных двухсторонних связей со странами, являвшимися на тот момент членами Европейского экономического сообщества (ЕЭС).

Однако в реальности ни один из этих вариантов интеграции в международную систему реализован не был. Наиболее продвинутая группа стран Центральной Европы (изначально Вышеградская группа – Польша, Чехия, Словакия и Венгрия, а позднее и другие страны) предпочла путь экономической и политической интеграции через вхождение в состав ЕС и НАТО. Ведущие западные страны, руководствуясь собственными экономическими и геополитическими интересами, поддерживали и содействовали вступлению вышеназванных постсоциалистических стран Центральной Европы в эти организации, что привело к дальнейшему их отдалению от стран СНГ.

Экономический и политический союз постсоциалистических стран с ЕС должен был способствовать институциональной конвергенции первых с экономической и политической системой, сформировавшейся в странах Западной Европы, а также согласованию их интересов с геополитическими интересами ЕС. Вхождение постсоциалистических стран в ЕС также ознаменовало бы их окончательный выбор в пользу капитализма и выборной демократии. В июне 1993 г. на совещании в Копенгагене ЕС принял на себя обязательства о включении ряда стран в свой состав, и позднее, в 2004 г., соответствующее членство было ратифицировано в отношении Чехии, Кипра, Эстонии, Венгрии, Латвии, Литвы, Мальты, Польши, Словакии и Словении. Таким образом, в мае 2004 г. в состав ЕС входило 15 уже

ранее присутствующих стран-участниц и 10 новых стран. Болгария и Румыния в то время не вошли в состав ЕС и оставались на правах кандидатов на вступление, а позднее, в январе 2007 г., стали полноправными членами ЕС.

Членство в ЕС предполагает подчинение национального суверенитета общеевропейской экономической, политической и социальной политике, которую в целом можно охарактеризовать как неолиберализм. Главной движущей силой экспансии ЕС являются геополитические и экономические интересы, целью которых становится выход на новые рынки товаров и труда. По иронии судьбы, войдя в состав ЕС после долгожданного избавления от советской гегемонии, страны Центральной и Восточной Европы на самом деле лишились части вновь обретенной независимости, поскольку автономность их внешней и внутренней политики отныне была ограничена условиями членства в новом объединении. Более того, юридически и политически эти страны перестали быть суверенными государствами, превратившись в государства-члены ЕС. То, что у этого положения есть очевидная оборотная сторона, было достаточно хорошо продемонстрировано последствиями мирового финансово-экономического кризиса 2007 г.

Впрочем, существовал и другой путь интеграции постсоциалистических стран, представляющий собой альтернативу членству ЕС, и опыт этой интеграции по многим направлениям отличается от рассмотренного выше.

О необходимости интеграции в мировую систему на новых принципах задумывались и в позднем СССР (вспомнить, например, идею М.С. Горбачева об общем европейском доме). Позднее эта идея была поддержана первым российским президентом Б.Н. Ельциным, который добивался признания России в качестве равноценного и равноправного партнера в сообществе развитых капиталистических стран. Однако, несмотря на то, что Римский договор о создании ЕЭС формально допускал членство для любой европейской державы, со временем стало совершенно очевидным, что Россию в силу ее экономических, политических и культурных особенностей не собираются рассматривать в качестве такого кандидата.

СНГ было сформировано в декабре 1991 г. Изначально в Содружество вошли Россия, Белоруссия и Украина, чуть позднее присоединились Армения, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан. В 1993 г. в состав СНГ также вошла и Грузия. Впрочем, следует уточнить, что многие из этих стран, включая Украину, не принимали активного участия в работе органов СНГ. Кроме того, в отличие от ЕС, за весь период своего существования СНГ не достигло каких-либо крупных успехов в формировании действенного экономического или политического союзов. И хотя за это время было заключено большое количество важных двухсторонних соглашений между отдельными странами, лишь в 2011 г. был создан Таможенный союз, объединивший на первых порах Россию, Казахстан и Белоруссию, и уже позднее, в январе 2015 г., вступил в действие договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который ознаменовал новый этап интеграции и в который на сегодняшний день также входят Армения и Киргизия. Отметим, что в отличие от стран ЕС, страны СНГ сохранили значительную автономность в вопросах своей внутренней и внешней политики.

Образование двух экономических и политических блоков и выстраивание их взаимоотношений с ядром новой мир-системы предопределило контекст будущих внутренних изменений в перечисленных выше странах.

Экономические и социальные трансформации

Все постсоциалистические страны имеют ряд общих черт, к которым в той или иной степени можно отнести встроенность в мировой рынок, систему частной собственности (сформированной преимущественно в результате приватизации государственной), выборную плюралистическую политическую систему, монетизированную систему социальных льгот, свободный рынок труда и т.д. В то же время институциональные различия между странами весьма ощутимы, и прежде всего это касается уровня приватизации и маркетизации национальных экономик. На *рисунке 1* для разных стран и в разные периоды времени представлены значения индекса, разработанного Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР) для оценки успешности рыночных реформ по совокупности институциональных условий. Примечательно, что значения индекса в правой части рисунка (страны СНГ) заметно ниже, чем в левой (постсоциалистические страны – члены ЕС), несмотря на общую для всех стран тенденцию к росту с 1999 по 2014 г.

Рисунок 1 позволяет выделить три условные группы стран. В первую входят страны – новые члены ЕС, которые к 1999 г. уже имели относительно развитую рыночную экономику. Ко второй группе можно отнести Россию, Украину и Казахстан – страны СНГ, которым также удалось добиться определенного прогресса

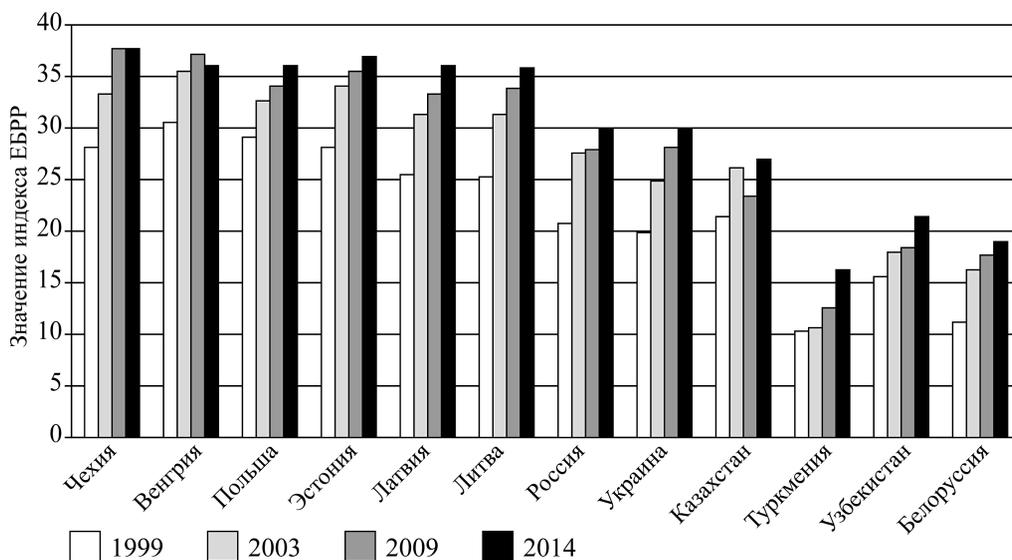

Рисунок 1. Степень маркетизации и приватизации экономики согласно индексу ЕБРР (1999, 2003, 2009, 2014 гг.)

Источники: [Transition Report 1999, p. 24; Transition Report 2003, p. 16].

Большее значение индекса соответствует большей маркетизации и приватизации экономики (значение индекса, равное 36, соответствует уровню развитых капиталистических стран) [Transition Report 2010, Table 1.1].

в создании рыночной экономики, хотя и не настолько ощутимого, как в первой группе стран, и которые к 2014 г. также сохранили ряд элементов предыдущей системы. Третью группу образуют Белоруссия, Узбекистан и Туркменистан, в которых рыночная трансформация была осуществлена в еще более ограниченной форме. В то же время очевидно, что несмотря на отличия в темпах и стартовых условиях трансформации, вектор изменений во всех странах так или иначе был направлен в сторону усиливающейся приватизации и маркетизации национальной экономики.

Таблица 1. Результаты трансформации: типы режимов

Тип собственности	Политическая система			Экономическая система
	<i>Полиархия</i>	<i>Гибридная</i>	<i>Автократия</i>	
<i>Частная</i>	Глобальный капитализм			<i>Рыночная</i>
<i>Гибридная</i>		Гибридный режим	Государственный капитализм	<i>Гибридная</i>
<i>Государственная</i>			Государственный социализм	<i>Государственная</i>
	<i>Полная</i>	<i>Частичная</i>	<i>Частичная</i>	
	Степень интеграции в мир-системе			

Примечание: капиталистические страны – новые члены ЕС; гибридные режимы – евразийские государства; государственный капитализм – Китай; государственный социализм – Советский Союз до 1985 г.

В *таблице 1* представлена типология рассмотренных выше структурных изменений, основанная на выделении следующих ключевых измерений трансформационного процесса: доминирующий тип собственности, тип политической власти, способ экономической координации и степень интеграции в мировую систему. Напомним, что планомерное движение к капитализму предполагает одновременное разворачивание процессов приватизации, переход к многовластию и внедрение рыночных принципов экономической координации. Так, системе, не предполагающей каких-либо реформ в указанных направлениях, соответствует система, в которой государство сохраняет исключительную руководящую роль во всех измерениях. Государства, в настоящее время образующие Евразийский союз, представляют собой смешанный тип, в котором сосуществуют государственная и частная собственность и в котором государство сохраняет частичный контроль над политической и экономической системами. В то же время государственный капитализм представляет собой самостоятельный тип гибридного режима, в котором система политической власти в значительной степени остается подчиненной государству, в то время как в экономической сфере допускаются рыночные принципы координации и элементы частной собственности. Наконец, важную роль с точки зрения завершенности переходного процесса играет степень интеграции в мировую си-

стему, которая в капиталистических странах является полной: в настоящее время к таким странам вполне можно отнести государства – новых членов ЕС, которые в полной мере включены в мировую систему не только в экономическом, политическом, идеологическом, но и военном смыслах. И, напротив, для гибридных режимов более характерна умеренная степень экономической, идеологической и политической интеграции (при практически полном отсутствии военной).

Распределение стран в представленной выше типологии (таблица 1) несложно соотносить с местом, которое постсоциалистические государства занимали в прежней системе государственного социализма. Страны Центральной Европы, которые исторически являются непосредственными соседями европейских государств, входящих в ядро нынешнего ЕС, и которые в эпоху СССР, в принципе, были наименее интегрированы в систему государственного социализма, сегодня можно считать полноценной частью сообщества капиталистических стран. К тому же ради членства в ЕС эти страны были обязаны отформатировать свои экономические, политические и социальные институты по образу и подобию институтов в западно-европейских странах. Тем не менее эти трансформации не обошлись без существенных издержек, речь о которых пойдет ниже.

Экономические последствия

Первый этап трансформации для всех стран без исключения обернулся падением ВВП. В период 1990–1993 гг. его снижение в Польше составило 3,1%, в Чехословакии – 4,3%, в Венгрии – 4,8%, в Литве – 18%, в Украине – 10%, в России – 10,1%, в Таджикистане – 2,2% [Transition Report Update 1999, p. 6]. Однако на этом период экономической и социальной дестабилизации не закончился. Переход к рыночной экономике на протяжении последующего десятилетия сопровождался дальнейшим

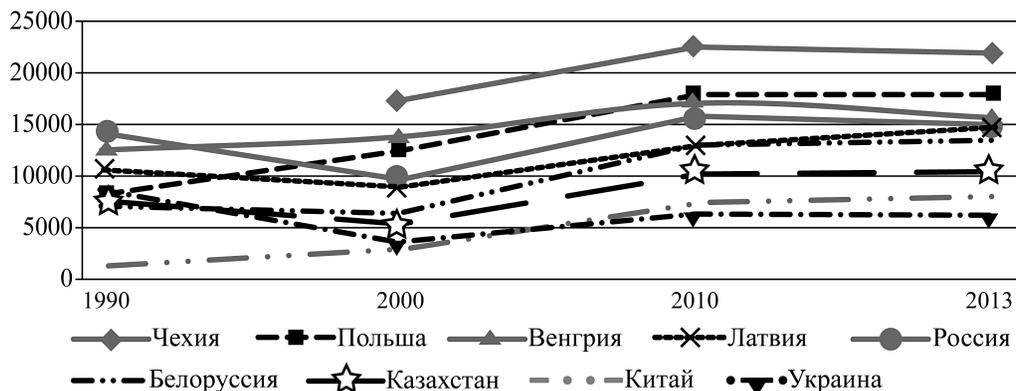

Рисунок 2. Валовой национальный доход (на душу населения, в долларах США по ППС на 2005 г.), 1990–2013 гг., постсоциалистические страны

Источник: [Human Development Report 2013].

падением ВВП, сжатием рынка труда, ростом безработицы и, как следствие, увеличением социальной напряженности (что, в том числе, отразилось и на росте смертности и числа самоубийств). За 10 лет с 1989 г. исходный уровень ВВП был восстановлен лишь на 118% в Польше и 105% в Словакии, тогда как в Грузии, Украине и Армении восстановление составило не более 40% от прежнего уровня, в России – 57% [Transition Report 1999, p. 3].

Более или менее восстановить свою экономику постсоциалистическим странам удалось лишь в конце 1990-х гг. На *рисунке 2* представлены изменения в объеме ВВП в период с 1990 по 2013 г. Относительно уверенное восстановление имело место в странах – новых членах ЕС, а также в странах СНГ: рост затормозился лишь после 2010 г. В то же время Китай выделяется на фоне остальных стран стабильно высокими темпами роста, которые, впрочем, также замедлились после 2010 г. Даже принимая во внимание сильный экономический спад 2008–2009 гг., средний рост ВВП среди всех трансформирующихся стран составил 140% в период с 1997 по 2009 г., причем в группе постсоциалистических стран Центральной Европы и Балтии эта цифра составила 156%, в группе стран Южно-Восточной Европы – 114%, в России – 108%, в группе стран Восточной Европы и Кавказа – 100%, в странах Центральной Азии – 149% [Transition Report 2009, p. 21].

Социальные последствия

Однако производимый страной ВВП сам по себе не отражает воздействия трансформационных процессов на благополучие населения, поскольку он не демонстрирует, *как* распределяется национальный доход. В этом смысле более подходящим показателем является Индекс человеческого развития ООН (ИЧР), который рассчитывается на основе трех ключевых показателей: (1) ожидаемой продолжительности жизни при рождении; (2) уровня образования населения; (3) реального дохода (ВВП на душу населения) [Human Development Report 2005].

Изменения в уровне благосостояния различных стран, измеренном с помощью ИЧР, с начала реформ (1987 г.) и до 2007 г. представлены на *рисунках 3а–3в*. Однако прежде следует оговориться, что все используемые ниже данные были собраны из ежегодных выпусков-докладов ПРООН (Human Development Reports), а не взяты из сводных таблиц ПРООН, дающих информацию ретроспективно. Это уточнение не случайно, поскольку методология расчета ИЧР за последние несколько лет претерпела ряд изменений. В связи с этим представленные здесь рисунки следует рассматривать исключительно как иллюстрации, дающие общее представление о тенденциях и их различиях между странами, а не результаты строгих вычислений¹.

Как видно из *рисунка 3а*, во всех странах – новых членах ЕС (Польше, Венгрии, Латвии и Чехии) уровень благополучия населения, измеренный с помощью ИЧР, до середины 1990-х гг. снижался, после чего наметилась некоторая тенденция к его восстановлению и росту. Похожие тенденции имели место и в европейских

¹ Сводные данные, взятые из Отчета 2014 (*таблица 3*), показывают восходящую тенденцию к 2013 г.

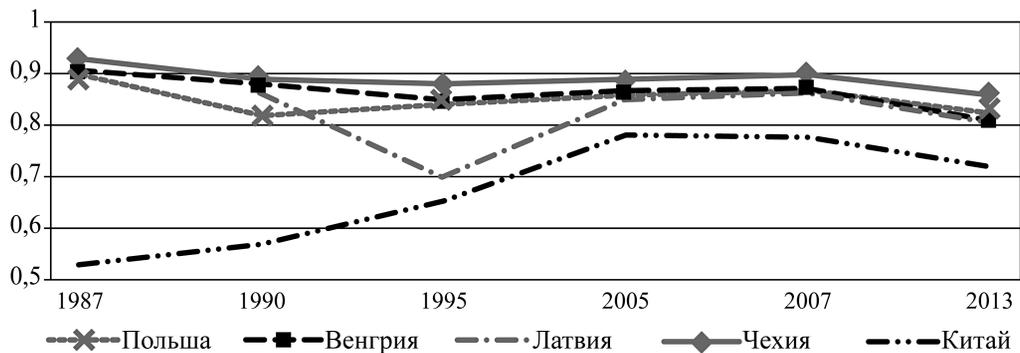

Рисунок 3а. Индексы человеческого развития в 1987–2013 гг.:
Польша, Венгрия, Латвия, Чехия и Китай

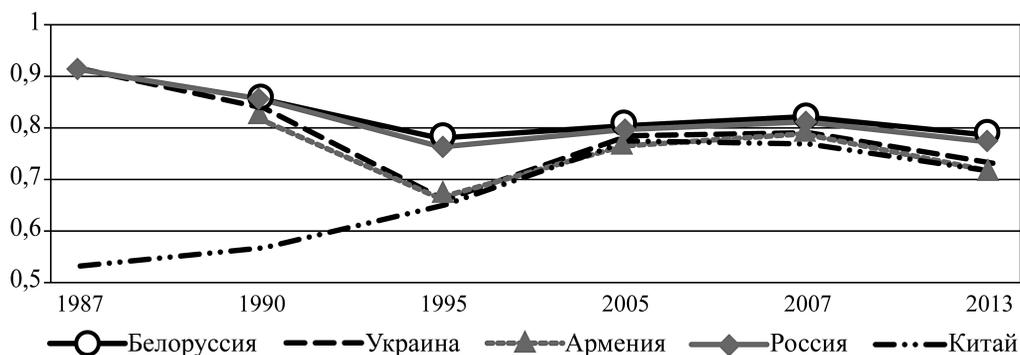

Рисунок 3б. Индексы человеческого развития в 1987–2013 гг.:
Россия, Белоруссия, Украина, Армения и Китай

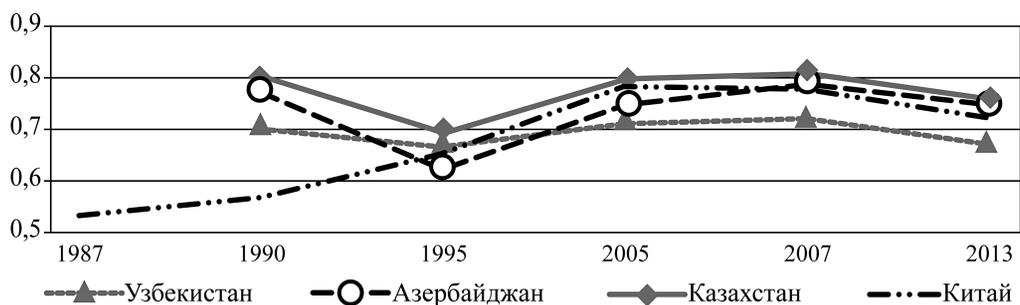

Рисунок 3в. Индексы человеческого развития в 1987–2013 гг.:
Узбекистан, Азербайджан, Казахстан и Китай

странах СНГ (России, Белоруссии, Украине и Армении – рисунок 3б), хотя нельзя не отметить особенно резкое падение на Украине и в Армении. При этом следует подчеркнуть, что едва ли какой-либо из этих стран удалось восстановить досоциалистический уровень ИЧР даже спустя двадцатилетие после реформ. На рисунке 3в представлены также центрально-азиатские страны СНГ (Казахстан, Узбекистан и Азербайджан). Примечательно, что в Узбекистане падение ИЧР в первые годы реформ было наименее заметным, но и дальнейшее его восстановление по сравнению со всеми остальными странами также было наименее успешным. В то же время приведенный для сравнения Китай показывает впечатляющие темпы роста, несмотря на их замедление после 2005 г., которое, вероятно, связано с дальнейшим проведением рыночных преобразований.

Но как соотносится эта динамика с изменениями в уровне благополучия в других странах мира за представленный период? Был ли постсоциалистическими странами преодолен разрыв с развитыми западными странами? Для это необходимо обратиться к данным международного сравнения. ИЧР является относительным показателем, принимающим максимальное значение (равное единице) в странах с самым высоким уровнем благополучия. К таковым преимущественно относятся европейские и англо-саксонские страны (а также Япония, входящая в десятку наиболее развитых государств). В общем рейтинге ИЧР в конце 1980-х гг. социалистические страны также занимали относительно неплохие позиции: Чехословакия (27-е место), Венгрия (30-е) и СССР (31-е). Кроме того, согласно классификации по уровню ИЧР, все прочие европейские социалистические страны (за исключением Румынии) принадлежали к группе стран с «высокими показателями человеческого развития» (данная категория состояла из 53 стран, Румыния занимала 58-е место, а, например, Китай, был на 82-м).

К сожалению, публикуемые в докладах ООН данные о ИЧР не рассчитывались для отдельных республик, входивших в состав СССР, поскольку до 1992 г. все они рассматривались как часть одной страны. Впрочем, и последующие сравнения также осложнены тем, что количество стран, включавшихся в общий рейтинг, постоянно менялось. Автору пришлось произвести перерасчет ИЧР на основе данных за советский период, чтобы включить в сравнение Латвию и Словакию, а также выделить ряд европейских и азиатских республик.

Различия между союзными республиками по уровню ВВП были довольно значительными, однако соответствующие показатели в ежегодных статистических докладах, издававшихся в СССР, не публиковались. Вместо этого можно было воспользоваться данными о заработной плате работников физического и нефизического труда: соответствующий показатель был рассчитан как отношение заработной платы в республике к среднему показателю заработной платы по СССР в целом, при этом европейские республики занимали более высокое положение по сравнению с центрально-азиатскими [Труд в СССР 1988, с. 154–155]. Для оценки качества системы здравоохранения были использованы данные об ожидаемой продолжительности жизни и уровне младенческой смертности [Население СССР 1989, с. 492, 680–684]. Уровень образования населения был оценен по данным о доле работников с законченным высшим образованием [Кугель, Келле СССР 1991, с. 110]. Наконец, уровень экономического развития дополнительно был оценен по данным оборота розничной торговли [Розничный товарооборот 1986, с. 466]. Полученные

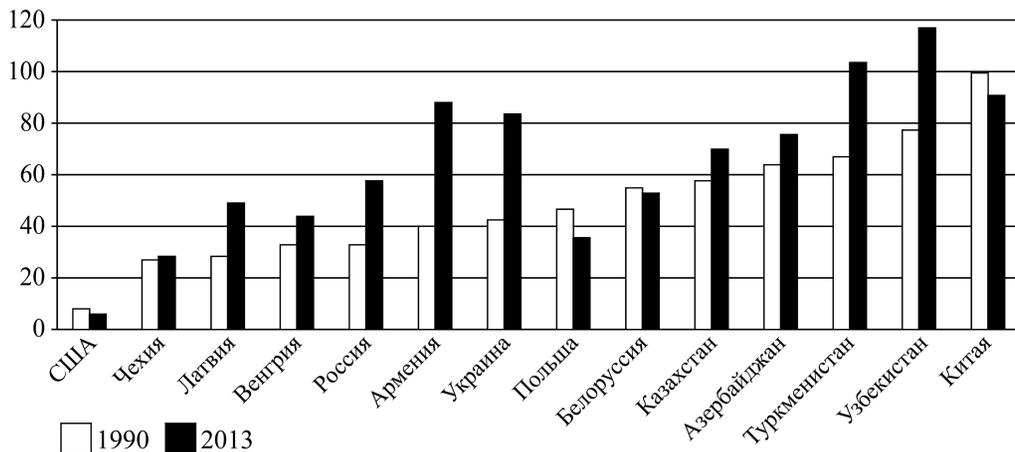

Рисунок 4. Уровень человеческого развития по рангу стран в 1990 и 2013 гг. (слева направо – от наиболее высокого ИЧР к наиболее низкому)

Источники: [Human Development Report 1991, pp. 119–121; Human Development Report 2009; Human Development Report 2014]. Источники дополнительных данных по отдельным республикам СССР см. в тексте статьи.

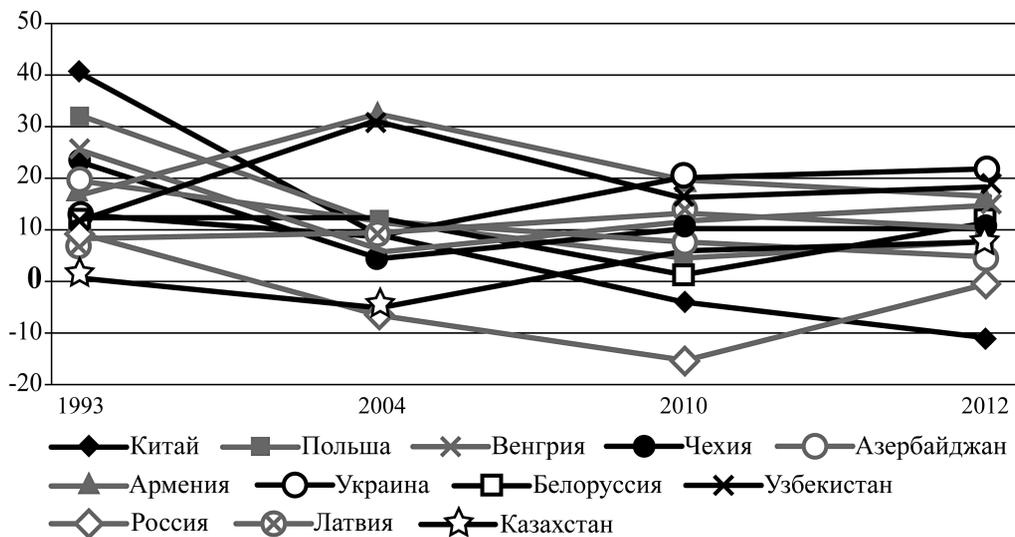

Рисунок 5. Разница между рангом страны по уровню валового национального продукта и рангом по уровню человеческого развития в 1993–2012 гг.

Источники: [Human Development Report 1994]; данные за 2012 г. в [Human Development Report 2013, p. 144]. В 1993 г. ПРООН (UNDP) впервые ввела данные для каждой из стран бывшего СССР.

показатели (уровень заработной платы, ожидаемая продолжительность жизни, младенческая смертность, уровень образования населения и оборот розничной торговли) были сложены в единый индекс по аналогии с ИЧР для того, чтобы облегчить дальнейшее сопоставление республик по общему уровню благополучия.

Итоговый рейтинг республик по уровню ИЧР представлен на *рисунке 4*, куда также включены США и Китай. Как видно, к числу наиболее процветающих социалистических стран в 1990 г. относились европейские и балтийские республики, а также Россия, тогда как к наименее благополучным – четыре центрально-азиатские республики и Молдавия (5 стран с наихудшим рейтингом). Только три постсоциалистические страны смогли повысить уровень благополучия: Белоруссия, Польша и Китай. Европейские страны, вошедшие в СНГ, значительно ухудшили свои позиции в международном рейтинге: Украина – до 41, Россия – до 24. Центрально-азиатские республики, особенно Узбекистан и Туркменистан, также ощутили резкое падение. Другая группа стран, таких как Венгрия и Чехия, испытали незначительное снижение рейтинга.

Расхождения в динамике национального продукта и роста благополучия населения отчасти можно объяснить различиями в характере распределения в экономике. На *рисунке 5* проиллюстрирована разница между рангами страны по уровню ВВП и по уровню ИЧР в посткоммунистических странах. Как видно, до трансформации все социалистические страны имели довольно высокий уровень человеческого развития, несмотря на относительно скромный уровень ВВП. В период с 1993 по 2004 г. только Армения, Узбекистан и Латвия смогли улучшить свои позиции, в то время как в остальных странах, особенно в Польше, Венгрии, России и Китае, наблюдался значительный спад. Если рассматривать весь период с 1993 по 2012 г. в целом, некоторое улучшение имело место на Украине (с 13 до 22), в Узбекистане (с 12 до 19), Латвии (с 8 до 10) и Казахстане (с 1 до 8). Впрочем, необходимо иметь в виду, что указанные изменения имели место не столько в силу абсолютного улучшения показателей человеческого развития, сколько в силу непропорционального снижения ВВП. В то же время значительный спад ИЧР относительно ВВП (при его росте в абсолютном выражении) наблюдался в Китае (с 41 в 1993 г. до 9 в 2004 г.) и России (с 10 до –6 в 2004 г. и до –15 в 2010 г.). Таким образом, повышение ВВП (в России связанного в основном с продажей энергии) не перешло в соответствующее улучшение человеческого развития.

Представленные выше иллюстрации демонстрируют, насколько необоснованными были ожидания реформаторов, радевших за скорейший переход от социализма к капитализму: в большинстве постсоциалистических стран экономическое восстановление не сопровождалось адекватным повышением уровня жизни. Более того, усилилось и продолжает расти отставание этих стран от развитых западных государств.

Рост ВВП на фоне торможения и даже снижения уровня человеческого развития отчасти можно объяснить высоким неравенством в распределении накопленного богатства. Снижение инвестиций в сферы, имеющие прямое отношение к повышению человеческого развития, имело место практически во всех бывших социалистических странах. Выше мы рассмотрели прямые экономические и социальные последствия реформ, теперь же обратимся к индикаторам, отражающим реакцию населения на эти последствия.

Восприятие последствий трансформации в общественном мнении

Негативное отношение к системе государственного социализма было распространено не только среди большинства западных специалистов, его также разделяла и определенная часть населения социалистических стран. Однако эти взгляды претерпевали некоторые изменения по мере осознания цены рыночных реформ.

В связи с этим представляется целесообразным обратиться к опросам общественного мнения, в которых люди имели возможность выразить свое отношение к жизни в социалистический и постсоциалистический периоды. В 1991 и 2009 гг.

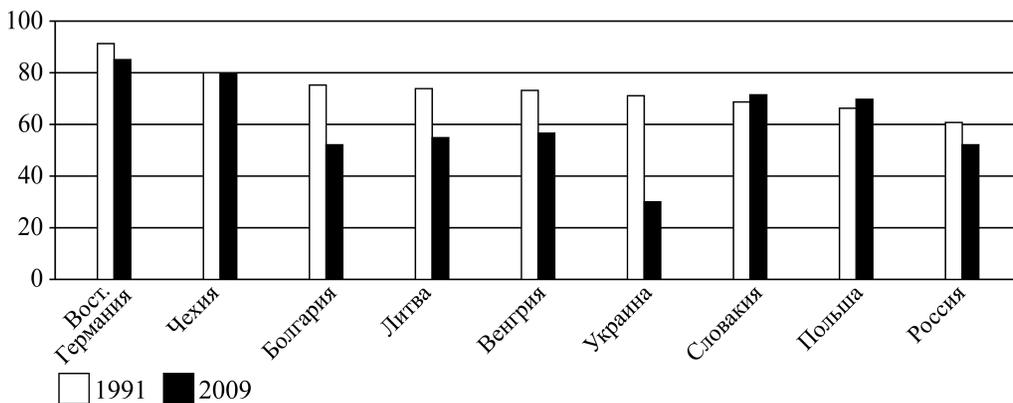

Рисунок ба. Поддержка многопартийной системы в 1991 и 2009 гг.

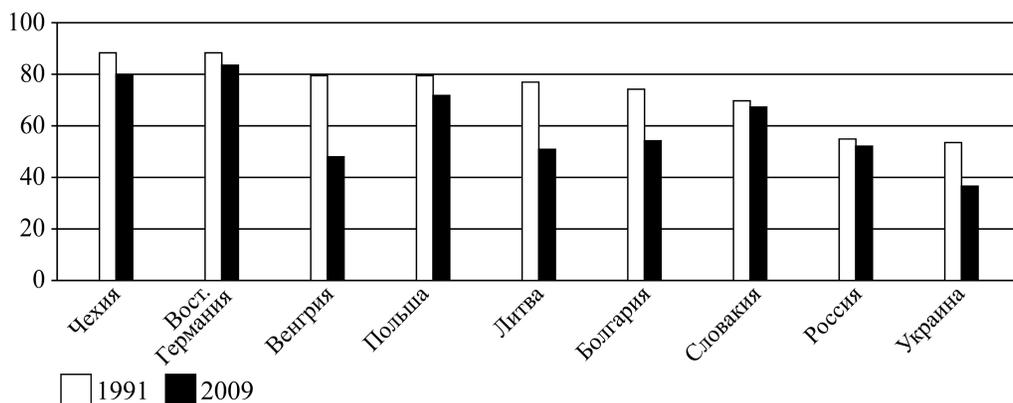

Рисунок бб. Поддержка капиталистического строя в 1991 и 2009 гг.

Источник: [Pew Global Attitudes Project 2009, p. 1].

подобные опросы в постсоциалистических странах проводились организацией *Pew Research Center*².

О том, как в разных странах изменялось отношение к реформам, ставившим своей целью создание многопартийной политической системы и рыночной экономики, можно судить по иллюстрациям, представленным на *рисунках ба* и *бб*. В 1991 г. положительная оценка грядущих изменений была характерна практически для всех постсоциалистических стран, хотя в России и на Украине исходная степень одобрения новой экономической системы была заметно ниже, чем во всех остальных государствах, особенно по сравнению со странами, которые впоследствии вошли ЕС.

Что касается изменений, произошедших в течение 18 лет (1991–2009 гг.), то только в Словакии и Польше можно отметить едва заметное укрепление веры в новую многопартийную систему, в то время как заметное разочарование постигло население Болгарии, Украины, Литвы и Венгрии. Отношение к экономическим реформам при значительно более низком исходном уровне поддержки населением (по сравнению с политическими реформами) ухудшилось во всех странах, причем наиболее заметно это было в Венгрии, Литве, России и Украине.

О том, как население оценивает непосредственные экономические последствия реформ, можно судить по ответам на следующий вопрос, также фигурировавший в опросах общественного мнения *Pew Research Center* в 2009 г.: «Экономическая ситуация для большинства людей в Вашей стране сегодня стала лучше, хуже или примерно такая же, как это было при коммунизме?». Распределение ответов на этот вопрос проиллюстрировано на *рисунке 7*. Во всех постсоциалистических странах однозначное улучшение экономической ситуации отмечалось менее чем в 50% случаев. Даже в наиболее успешных Польше и Чехии об изменении ситуации в лучшую сторону свидетельствовали не более 40% респондентов. В других странах подавляющее число людей отмечали однозначное ухудшение (причем наиболее заметное – в Венгрии, Болгарии и Украине).

Вполне вероятно, что такое распределение ответов обусловлено резко возросшим уровнем социального неравенства в постсоциалистических странах, которое заметно усилилось в результате перехода к рыночной экономике. Частично это отражено и в ответах людей на вопрос о том, кто в большей степени выиграл от проведенных реформ (*рисунок 8*). Мнение о том, что от изменений выиграла обычная люди, наиболее распространено только в Чехии, в то время как во всех остальных государствах (за исключением Венгрии) в подавляющем числе случаев к таковым относят политиков (более 80% респондентов) и предпринимателей (более 90%) .

О том, как менялась оценка удовлетворенностью жизнью в России и на Украине, дополнительно можно судить по результатам опросов «Левада-центра». Так, в 1998 г. в России лишь 6% населения отмечали, что они в целом довольны тем, как сложилась их жизнь, и этот показатель вырос до 26% только к 2005 г. В то же время доля недовольных с 26% в 1998 г. увеличилась к 2005 г. до 34% [Настроения, мнения и оценки населения 2005, с. 73]. При этом степень восприятия экономических трудностей была четко дифференцирована в зависимости от социального положения: так, доля людей, свидетельствующих о том, что они «едва сводят концы с концами» и им «не хватает

² Данная работа дополнена и другими отчетами, составленными в России и на Украине.

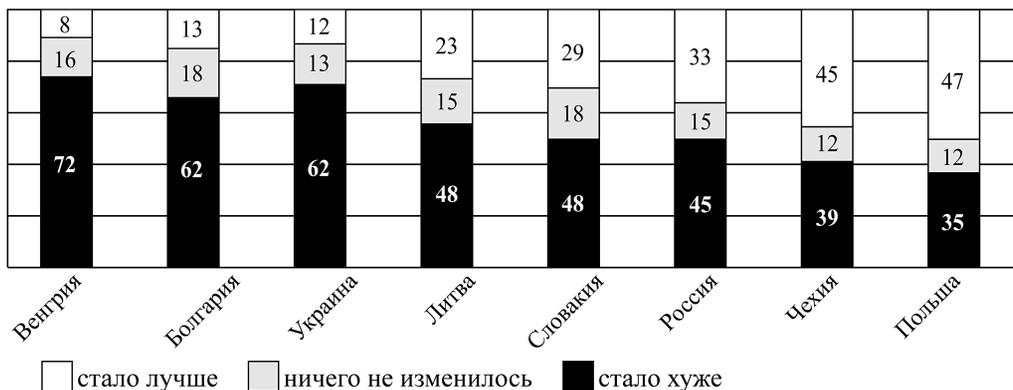

Рисунок 7. Экономическая ситуация сегодня по сравнению с коммунизмом

Источник: [Pew Global Attitudes Project 2009, p. 5].

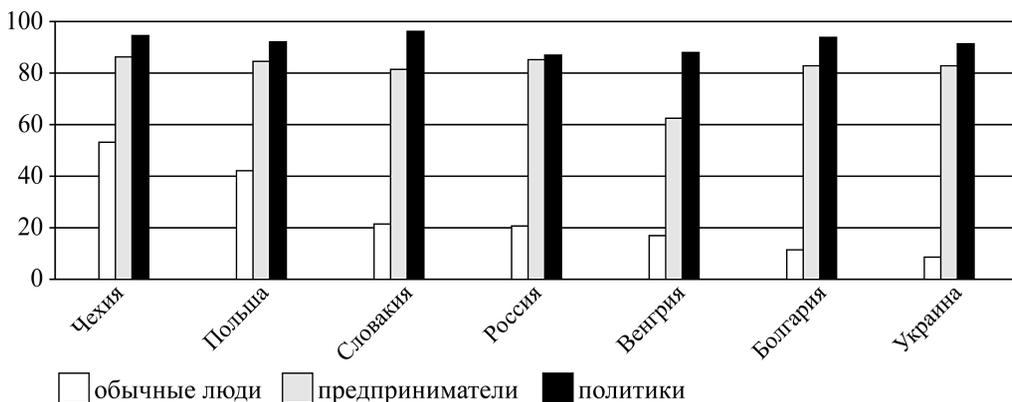

Рисунок 8. Кто больше всех выиграл в результате реформ?

Источник: [Pew Global Attitudes Project 2009, p. 31].

денег даже на еду», в 2005 г. среди безработных составляла 32%, пенсионеров – 37%, домохозяйек – 22%, неквалифицированных рабочих – 31%, квалифицированных – 14%, и только 5–6% среди профессионалов и менеджеров [Настроения, мнения и оценки населения 2005, с. 87]. Таким образом, очевидно, что трансформации по-разному сказались на положении различных социальных групп. Лишь отдельным группам удалось значительно улучшить свое социально-экономическое положение.

В целом же вырисовывается картина обществ, чрезвычайно разобщенных по социально-экономическим основаниям, и на этом фоне тем более неудивительно, что исходный энтузиазм относительно реформ заметно убавился даже в странах – новых членах ЕС.

Выводы

Последствия рыночной трансформации оказались чрезвычайно неравномерными. Если в чем-то рыночная идеология и оказалась успешной, так это во внедрении в сознание людей веры в то, что рынок дает людям возможность выбора и что личный успех зависит от индивидуальных усилий. Правда в том, что такой порядок был рассчитан исключительно на тех, кто приемлет индивидуалистические решения общественных проблем. Однако сохраняющееся недовольство значительной части населения постсоциалистических стран в лучшем случае свидетельствует о том, что рынок не является оптимальным способом достижения высокого общественного благосостояния. В странах, позже вошедших в состав ЕС, реформы носили более последовательный характер и принесли более позитивные результаты, что неудивительно, учитывая их исходную историческую близость к западно-европейским странам. В остальных странах итоги рыночной трансформации едва ли можно оценить столь однозначно, особенно если принять во внимание тот факт, что от четверти до трети населения этих стран по-прежнему пребывает в состоянии относительной бедности. Более того, рыночные реформы оказались не способными обеспечить даже те условия жизни, которые были гарантированы населению системой государственного социализма: доступные медицина и образование, полная занятость, устойчивая заработная плата, ощущение стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Все это не замедлило сказаться и на общем уровне человеческого развития: из всех стран относительных успехов добились лишь Польша и Белоруссия, в то время как Россия и Украина значительно ухудшили свои позиции в общем рейтинге. И, разумеется, ни о каком паритете с развитыми западными государствами не может быть и речи: отставание постсоциалистических стран продолжает лишь усиливаться.

За всем этим стоят неравенство, порожденное приватизацией, неспособность выборной демократии эффективно отстаивать общественные интересы, несовершенство рынка труда, стимулирующего безработицу, а также фактический отказ государства от исполнения социальных обязательств. Несправедливая приватизация привела к формированию специфического господствующего класса, в котором крупные собственники, сконцентрировавшие в своих руках значительную часть национального богатства, оказались тесно связаны с государственными функционерами-администраторами, подчинившими государство собственным интересам [Шкартан 2012, с. 336–353]. В результате вместо «созидательного разрушения», обещанного реформаторами и поддерживавшими их элитами, постсоциалистические страны получили то, что справедливее было бы назвать «разрушением без созидания».

При этом, как ни странно, значительная часть населения постсоциалистических стран по-прежнему поддерживает идеи перераспределительной государственной политики и считает, что государство должно играть сильную роль в поддержке национальной экономики и стремиться к обеспечению полной занятости [Mason 1995, pp. 388–390]. И, несмотря на то, что стейтистские принципы в экономике и социальной политике на некоторое время были отброшены, сегодня они вновь становятся все более популярными среди населения, особенно в странах Евразийского союза (по сравнению со странами – новыми членами ЕС).

Россия принадлежит к числу стран, наиболее сильно пострадавших от негативных последствий трансформации, о чем свидетельствует глубокое падение ВВП, уровня человеческого развития и резкий рост социального неравенства. Ее интеграция в мировую экономическую систему сопровождалась наиболее болезненной реструктуризацией национальной хозяйственной системы, в результате которой была приватизирована значительная часть природных богатств. Впрочем, некоторые из этих тенденций удалось обратить вспять в период президентства В.В. Путина. Однако население России в целом весьма скептически оценивает «достижения» рыночной экономики, причем, что характерно, уровень скепсиса в отношении экономических аспектов трансформации среди россиян существенно выше ее политических аспектов в сравнении с другими постсоциалистическими странами.

Два типа капитализма в постсоциалистических странах

Трансформацию в постсоциалистических странах можно считать состоявшейся хотя бы потому, что в результате реформ был создан более или менее функционирующий рыночный механизм и осуществлен переход от полностью государственной формы собственности к частной. Соответствующие реформы изначально проводились с целью не допустить возврата к прежней системе. В то же время нельзя сказать, что трансформация привела к образованию какой-либо одной формы постсоциалистического капитализма. Скорее, вырисовываются три группы стран, в двух из которых так или иначе была сформирована рыночная экономика со значительным частным сектором, а одна представлена стейтсменскими режимами (Узбекистан, Белоруссия и Туркменистан). Последняя группа стран вынесена за рамки анализа в данной статье, однако первые две заслуживают внимательного рассмотрения.

Веберовское идеалистическое представление о капитализме как системе, в которой стремление к извлечению прибыли реализуется через рациональное совершенствование предприятий [*Weber* 1970, р. 17; *King* 2003; *Lane* 2002], возможно, и отражает дух классического капитализма, но оно лишь отдаленно напоминает современный глобальный капитализм. Как М. Вебер, так и К. Маркс рассматривали капитализм прежде всего как систему экономических институтов. Однако представляется, что более целостное понимание капитализма должно учитывать переплетение экономического измерения с политическими и социальными институтами, которые придают ему его законченную форму. Так, например, важными факторами, влияющими на устойчивость системы, уровень социальной сплоченности, являются государство, классы и идеология. Помимо этого социологическая трактовка капитализма также предполагает существование дополнительных механизмов, обеспечивающих социальную интеграцию: наличие определенной системы ценностей, буржуазии как господствующего класса, а также институтов коллективного действия, которые во взаимодействии друг с другом поддерживают в обществе определенную динамику развития. К тому же в традиционном понимании М. Вебера и К. Маркса капитализм как политическая единица – целостная самостоятельная социально-экономическая система – имел свои определенные пределы, совпадавшие с границами национальных государств.

Очевидно, что традиционная трактовка капитализма не отражает реалий сегодняшнего мира, в котором капитал в большей степени приобретает транснациональный характер, переступая через государственные границы; его экономическая мощь беспрецедентна, а небольшая группа стран, формирующих ядро современного западного капитализма, стремится укрепить свою гегемонию в мировом порядке. Такой капитализм правильнее было бы определить как глобальный. В глобальном капитализме внутренняя политическая, экономическая и социальная организация национальных государств подчиняется общей логике, которая сводится к снятию любых препятствий на пути к извлечению прибыли транснациональным капиталом. При этом, как ни парадоксально, высокий уровень политической и экономической конкуренции внутри отдельно взятого государства никоим образом не нарушает этой логики, а скорее является ее естественным продолжением.

В контексте упомянутых выше трех групп стран эти особенности современного капитализма более всего применимы к первой группе. По уровню развития рыночных отношений, приватизации и участия в глобальной экономике государства – новые члены ЕС сегодня лишь немногим уступают странам ОЭСР. Тип капитализма в этой группе стран правильнее было бы определить как континентально-рыночный, несмотря на сохраняющуюся активную роль государства в процессе их реформирования и низкий уровень капитализации национального фондового рынка. Последнее, впрочем, никак не препятствует их стабильно высокой интеграции в глобальный политический и экономический порядок, возглавляемый развитыми западными странами. Институциональные системы этих государств давно приведены в соответствие с требованиями ЕС и МВФ, причем это касается не только экономических институтов, но и политических и социальных: в них сформированы соответствующий тип правительства, гражданское общество и соответствующая капитализму классовая структура.

Вторая группа государств представлена капиталистическими странами гибридного государственно-рыночного типа. Это относительно бедная группа государств с незначительным опытом рыночных трансформаций, в которую входят Россия, Украина, Казахстан, Грузия и Молдова. Помимо слабой экономики, для этих стран характерны преимущественно сырьевая ориентация экспорта, частичная интеграция в мировую экономику и низкий уровень внутренних инвестиций (который отчасти компенсируется непропорционально большим объемом иностранных инвестиций в сырьевой сектор, как, например, в России). Приватизация в том виде, в котором она была проведена в этих государствах, способствует укреплению небольшого класса очень крупных собственников (также преимущественно в сырьевых отраслях), что на фоне общей слабости остальной экономики и неразвитой перераспределительной политики способствует поддержанию высокого уровня социального неравенства и бедности.

Впрочем, говоря о динамике капитализма в России, следует сделать одно отступление. Начальный период приватизации и экономического дерегулирования привел к ослаблению государства; этот этап, возможно, следовало бы охарактеризовать как хаотический капитализм, которому не хватало институциональной координации. Кроме того, в период Б.Н. Ельцина государство фактически было приватизировано крупными собственниками, которые, воспользовавшись его слабостью, могли оказывать влияние на выработку социальной и экономической политики в угоду собственным интересам. Эта ситуация несколько изменилась

с приходом В.В. Путина, который вернул государству ведущую роль в экономической сфере, однако, даже несмотря на это, в российской экономике все еще отсутствуют другие важные механизмы, обеспечивающие здоровый экономический рост. Обращение к евразийству как идеологии, лежащей в основе альтернативного проекта интеграции, судя по всему, является реакцией российского руководства на дефицит возможностей для дальнейшего экономического роста, а также в принципе слабую интегрированность России в мировую экономику и политику.

С учетом специфических предпосылок, сложившихся в России, представляется, что наиболее жизнеспособным для нее вариантом капитализма, обеспечивающим стабильность экономики и ее развитие, является государственный капитализм, делающий ставку на развитие государственно-частных партнерств и предпринимающий активные стимулирующие меры, нацеленные на ликвидацию нежелательных перекосов в экономике, которые возникли в результате влияния стихийных рыночных сил и внешних факторов. Так, например, экспортную ренту, извлекаемую государством из таких отраслей, как добыча сырья и драгоценных металлов, производство вооружений и энергетика, вполне можно было бы использовать для финансирования частных и ограниченно частных компаний в других отраслях через государственные финансовые институты. Опыт российской рыночной экономики показал, что частный сектор не в состоянии обеспечить долгосрочное развитие таких важных для России отраслей, как космическая, атомная, военная, авиационная и компьютерное программное обеспечение.

К основным чертам системы, которая могла бы доказать свою успешность в России, можно отнести следующие:

- движущая сила – государство;
- институты: ключевые партнеры – промышленный менеджмент, ведущие капиталисты, политическая элита;
- культура: национальная, опирающаяся на традиции;
- основа солидарности: социальный контракт, государство с развитой социальной системой;
- идеология: Россия как цивилизация;
- позиционирование в международной системе: Евразия как самодостаточный экономический и политический союз.

Перспективы

Каким образом все вышесказанное позволяет охарактеризовать ближайшее будущее? Одно очевидно: ответить на вопрос, приведет ли волна недавних демократических революций к формированию устойчивых демократий в постсоциалистических странах, однозначно нельзя. В то же время будущее стран Центральной Европы, выбравших путь сближения с западным капиталистическим миром и вверивших собственное будущее ЕС, выглядит вполне определенно. Прогнозы МВФ и ЕБРР в отношении стран – новых членов ЕС весьма оптимистичны: специалисты отмечают, что недавний экономический спад не привел к каким-либо значимым переменам в общественном мнении относительно выбранной модели интеграции.

Более того, ЕБРР продолжает настаивать на проведении дальнейших реформ в этих странах для достижения их полной интеграции в глобальные институты, совершенствования бизнес-климата, повышения эффективности управления и усиления рыночной конкуренции [Transition Report 2009].

Как бы то ни было, данные, приведенные в этой статье, также демонстрируют, что недовольство сложившейся экономической и политической ситуацией распространено во всех постсоциалистических странах. К тому же недавний пример Греции отчетливо показывает, что членство в ЕС не является гарантией стабильности и процветания и что население не планирует пассивно реагировать на снижение уровня жизни и рост безработицы даже под предлогом исключения из ЕС. На фоне последствий мирового финансово-экономического кризиса 2007 г., которые ощутимо сказались на экономике периферийных государств ЕС, членство в Европейском союзе перестало быть таким же привлекательным, каким оно было в первые годы преобразований. С другой стороны, в большинстве постсоциалистических стран, вошедших в ЕС (за исключением Венгрии), население, судя по всему, готово нести бремя реформ, несмотря на социально-экономические трудности. Представляется, что такая ситуация объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, элиты этих стран менее разобщены и имеют более тесные связи с ЕС, чем это характерно для «евроскептически» настроенных западных государств (таких как, например, Великобритания); во-вторых, в этих странах отсутствуют достаточно сильные политические организации, предъявляющие запрос на движение в альтернативном направлении. В связи с вышесказанным наиболее вероятным вариантом развития событий представляются дальнейшие внутрисистемные преобразования, на которых в настоящее время настаивает ЕБРР.

Что касается стран, образующих ядро ЕАЭС (России, Белоруссии и Казахстана), с их гибридным типом экономики и с более сильной ролью государства, с не до конца определившейся в своей направленности государственно-капиталистической экономикой, дальнейшее следование неолиберальному курсу, скорее всего, только закрепит их отставание от развитых государств. В то же время отказ от неолиберального курса пока еще реален в силу своей незначительной укорененности в экономической системе этих стран, к тому же государства ЕАЭС остаются (по сравнению с новыми странами-членами ЕС) слабо интегрированными в глобальную политическую и экономическую систему. В долгосрочной перспективе большая часть населения этих стран, несомненно, могла бы поддержать переход от свободно-рыночной формы капитализма к корпоративистской или традиционной социал-демократической моделям, предполагающим более активное государственное участие в экономике и поддержку государством частных компаний. В рамках данных моделей государство могло бы направлять ресурсы на развитие приоритетных национальных отраслей с учетом региональных интересов.

Перевод с английского Г.А. Ястребова

Литература

- Кугель С.А., Келле В.Ж. (ред.) (1991) Научные кадры СССР: динамика и структура. М.: Мысль.
- Население СССР-1988 (1989). М.: Госкомстат СССР.
- Настроения, мнения и оценки населения (2005) // Вестник общественного мнения. № 3 (77). С. 73–112.
- Розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли, включая общественное питание, на душу населения по союзным республикам в 1985 г. (1986) // Народное хозяйство СССР в 1985 г. М.: Финансы и статистика. С. 466–467.
- Труд в СССР (1988). М.: Госкомстат СССР.
- Шкаратан О.И. (2012) Социология неравенства. Теория и реальность. М.: ВШЭ.
- Transition Report (1999) // EBRD (European Bank for Reconstruction and Development). London: EBRD.
- Transition Report (2003) // EBRD (European Bank for Reconstruction and Development). London: EBRD.
- Transition Report (2009) // EBRD (European Bank for Reconstruction and Development) // <http://www.ebrd.com/downloads/research/TR09.pdf>
- Transition Report (2010) // EBRD (European Bank for Reconstruction and Development), table 1.1 // <http://www.ebrd.com/downloads/research/transition/TR09.pdf>
- Transition Report Update (1999) // EBRD (European Bank for Reconstruction and Development). London: EBRD.
- Human Development Report (1990) // UNDP (United Nations Development Programme). New York, London: Oxford University Press.
- Human Development Report (1991) // UNDP (United Nations Development Programme). New York, London: Oxford University Press.
- Human Development Report (1994) // UNDP (United Nations Development Programme) // <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-1994>; <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr1993>
- Human Development Report (2001) // UNDP (United Nations Development Programme) // http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/262/hdr_2001_en.pdf
- Human Development Report (2005) // UNDP (United Nations Development Programme) // <http://www.hdr.undp.org/reports/global/2005>
- Human Development Report (2009) // UNDP (United Nations Development Programme) // <http://hdr.undp.org/en/statistics/>
- Human Development Report (2013) // UNDP (United Nations Development Programme) // http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/14/hdr2013_en_complete.pdf
- Human Development Report 2014 // UNDP // <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2014>
- King L. (2003) Shock Privatization: The Effects of Rapid Large-Scale Privatization on Enterprise Restructuring // *Politics and Society*, vol. 31, no 1, pp. 3–30.
- Lane D. (2002) *Russian Banking*. Northampton, Mass.: Edward Elgar.
- Mason D.S. (1995) Attitudes toward the Market and Political Participation in the Postcommunist States // *Slavic Review*, vol. 54, no 2, pp. 388–390.
- Pew Global Attitudes Project (2009) // www.pewglobal.org
- Roeder P.G. (1999) The Revolution of 1989: Post Communism and the Social Sciences // *Slavic Review*, vol. 58, no 4, pp. 743–755.
- Weber M. (1970) *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, London: Unwin Books.

The Divergent Social and Economic Consequences of the Transformation in Post-communist States

D. LANE*

*David Lane – Fellow of the British Academy of Social Sciences, Emeritus Reader in Sociology and an Emeritus Fellow of Emmanuel College, University of Cambridge, Cambridge. Address: CB2 3AP, United Kingdom. E-mail: DSL10@cam.ac.uk

Citation: Lane D. (2016) Divergent Social and Economic Consequences of Transformation in Post-communist States. *Mir Rossii*, vol. 25, no 4, pp. 7–29 (in Russian)

Abstract

The dismantling of state socialist societies entailed the introduction of economic liberalisation and liberal democracy in all the new independent states. This paper considers the structural changes, the effects of these transformations on people's well-being, and people's perceptions of the political and economic consequences. A distinction is made between two sets of outcomes: first, the inclusion of the New Member States (NMS) of Central and Eastern Europe into the European Union and their integration into the world economy; second, the group of states which formed the Commonwealth of Independent State (CIS) and retained elements of state socialism and became hybrid regimes. Structural developments are compared in terms of the type of economic coordination, political power and integration into the world economic order. Outcomes of the post-socialist states (compared to China) are considered in terms of economic and human development.

The NMS are shown to have made a more successful transition than those of the CIS. While support for capitalism and liberal democracy was initially high, developments have led to widespread scepticism. The formation of political democracy has been more successful and better received than the shift to a market economy. Divergences in human development indicate that the expected convergence to the levels of advanced Western countries has not occurred. All the post-socialist states are shown to be divided societies with considerable levels of disillusionment particularly by the older population and lower economic classes. Dispositions towards the new regimes are more positive in some of the NMS than in the CIS.

Possible future prospects are discussed. Developments in the NMS are dependent on policies acceptable to the European Union which severely limit their scope. If the CIS countries, it is contended, continue to follow a neo-liberal policy, they are likely to experience more de-industrialisation and de-development. An alternative policy of national capitalism or a social-democratic form of capitalism is more likely to promote modernisation and development. Both involve considerable state involvement.

Keywords: transformation, CIS, European Union, human development, inequality, national capitalism, types of capitalism, public opinion, Eurasia

References

- Human Development Report (1990). *UNDP (United Nations Development Programme)*, New York, London: Oxford University Press.
- Human Development Report (1991). *UNDP (United Nations Development Programme)*, New York, London: Oxford University Press.
- Human Development Report (1994). *UNDP (United Nations Development Programme)*. Available at: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-1994>; <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr1993>, accessed 31 May 2016.
- Human Development Report (2001). *UNDP (United Nations Development Programme)*. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/262/hdr_2001_en.pdf, accessed 31 May 2016.
- Human Development Report (2005). *UNDP (United Nations Development Programme)*. Available at: <http://www.hdr.undp.org/reports/global/2005>, accessed 31 May 2016.
- Human Development Report (2009). *UNDP (United Nations Development Programme)*. Available at: <http://hdr.undp.org/en/statistics/>, accessed 31 May 2016.
- Human Development Report (2013). *UNDP (United Nations Development Programme)*. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/14/hdr2013_en_complete.pdf, accessed 31 May 2016.
- Human Development Report (2014). *UNDP (United Nations Development Programme)*. Available at: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2014>, accessed 31 May 2016.
- King L. (2003) Shock Privatization: The Effects of Rapid Large-Scale Privatization on Enterprise Restructuring. *Politics and Society*, vol. 31, no 1, pp. 3–30.
- Kugel' S.A., Kelle V.Zh. (eds.) (1991) *Nauchnye kadry SSSR: dinamika i struktura* [Cadres in USSR's Research and Development Sector: the Dynamics and Structure], Moscow: Mysl'.
- Lane D. (2002) *Russian Banking*, Northampton, Mass.: Edward Elgar.
- Mason D.S. (1995) Attitudes toward the Market and Political Participation in the Postcommunist States. *Slavic Review*, vol. 54, no 2, pp. 388–390.
- Naselenie SSSR-1988* (1989) [USSR Population-1988], Moscow: Goskomstat SSSR.
- Nastroeniya, mneniya i otsenki naseleniya (2005) [Population Views, Opinions and Attitudes]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no 3 (77), pp. 73–112.
- Pew Global Attitudes Project* (2009). Available at: www.pewglobal.org, accessed 31 May 2016.
- Roeder P.G. (1999) The Revolution of 1989: Post Communism and the Social Sciences. *Slavic Review*, vol. 58, no 4, pp. 743–755.
- Roznichnyi tovarooBOROT gosudarstvennoi i kooperativnoi trgovli, vkluchaya obshchestvennoe pitaniye, na dushu naseleniya po soyuznym respublikam v 1985 g.* (1986) [Retail Turnover in State and Cooperative Trade Sectors (Catering Included), per capita across Soviet Republics in 1985], Moscow: Finansy i statistika, pp. 466–467.
- Shkaratan O.I. (2012) *Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i real'nost'* [Sociology of Inequality. Theory and Reality], Moscow: HSE.
- Transition Report (1999). *EBRD (European Bank for Reconstruction and Development)*, London: EBRD.
- Transition Report (2003). *EBRD (European Bank for Reconstruction and Development)*, London: EBRD.
- Transition Report (2009). *EBRD (European Bank for Reconstruction and Development)*. Available at: <http://www.ebrd.com/downloads/research/TR09.pdf>, accessed 31 May 2016.
- Transition Report (2010). *EBRD (European Bank for Reconstruction and Development)*, table 1.1. Available at: <http://www.ebrd.com/downloads/research/transition/TR09.pdf>, accessed 31 May 2016.
- Transition Report Update (1999). *EBRD (European Bank for Reconstruction and Development)*, London: EBRD.
- Trud v SSSR* (1988) [Labour in USSR], Moscow: Goskomstat SSSR.
- Weber M. (1970) *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, London: Unwin Books.